

Внимательность к присутствию Божьему в жизни

По мотивам текстов митр. Антония Сурожского

Доклад Савиной Е.А. на VII международной конференции посвященной наследию митрополита Антония Сурожского в сентябре 2019 г.

Тема очень трудная для меня, но Владыка много говорил о ней, и я постаралась собрать его мысли о том, как быть внимательной к Божьему присутствию и обсудить их. Я бы хотела, чтобы вы тоже поделились своим пониманием этой темы в конце, потому что я здесь вовсе не эксперт, я хотела бы побудить вас подумать и поговорить об этом.

Несомненно, все вокруг — Божье творение, в том числе я сама, и Господь печется о нас все время. Помните: полевые лилии. Но я обычно этого не вижу. Все вокруг становится обстоятельствами моей жизни, фоном моего портрета, и то, что имеет отношение ко мне, становится более значимым, и наоборот. Эгоцентричный взгляд на мир не позволяет увидеть действия Бога, истинный центр мира становится мне невидимым. Попытка умственно отодвинуть себя на второй — или энный — план и поставить в центре Бога удается мне плохо и ненадолго. Даже в молитве, даже в кризисе: болеет близкий, молюсь, плачу — о ком? О нем? О себе весьма часто, к сожалению: как Мне страшно, как Я ужасаюсь и тоскую. Именно потому, что мой мир эгоцентричен, я одинока и беспомощна.

Владыка цитирует книгу о старце Силуане, как он молился за своих рабочих, вы помните, наверное. Он, молясь, просил Бога о них, описывая их жизнь, и в центре его молитвы к Богу стоял этот человек. Но я так не могу, во всяком случае, долго не могу. Умственная сосредоточенность ослабевает, и вот я опять в центре моего маленького мирка, где нет Бога. Что же делать?

Все равно молиться, не оставляя попыток хоть что-то сказать. «Бесы веруют и трепещут», Бог помогает добрым попыткам как-то выйти из самой себя, иногда это отчасти удается. Вопреки неудачам, надо пробовать снова и снова. Может быть, попытки будут услышаны Богом.

У Владыки есть очень важное для меня указание на путь.

«Если бы мы были зрячи, то видели бы не только густую, непрозрачную форму, но и что-то другое. Есть проповедь митр. Филарета Московского, где он говорит, что если бы мы умели смотреть, мы видели бы на каждой вещи, на каждом человеке, на всем — сияние

благодати; и если мы не видим, то потому что сами слепы. ... На все нужно смотреть глазами художника или святого, другого выхода нет». (Что такое духовная жизнь, проповедь на говение // «Человек перед Богом». — М.: Фонд ДНМАС, 2013, с. 204).

Можно не испугаться высоких слов: художник, святой. Частица святости есть во мне, поскольку на мне благодать таинств, и я тот самый человек, на котором Бог положил Свое сияние благодати, как на всем творении. А художник — когда он видит красоту, или правду, точное что-то, он удивляется и радуется, он как бы проникает в глубину, которая перед ним тогда открывается, и это дает ему силы искать дальше. Художник ищет красоту и правду. Взгляд художника мне знаком, и святость я видела, это точно Богоцентричный взгляд — значит, это путь.

В моей жизни был человек, который учил меня наблюдать птиц. Мы вставали затемно, шли в рощу, прятались и сидели очень тихо, внимательно наблюдая. Точно помню, что внимание выходило из эгоцентричного наблюдения — вовне, в мир. Птицы просыпались, и мы видели их прекрасную жизнь, это было очень важно, было чувство благоговения перед этой красотой. Потом я прочла у Владыки:

«Знаете, есть люди, которые любят природу, зверей. Они выходят рано утром, чтобы уловить первые движения просыпающегося леса или поля. Надо в себе совместить как бы парадоксальные состояния: с одной стороны, такой живости духа, такого внимания, чтобы ничто не могло избежать вашего взора или слуха, с другой — такой гибкости, чуткости, чтобы все отзывалось в вас. Это не пассивность и не активность. Как у Феофана Затворника: для духовной жизни человек должен быть как натянутая струна, ... чтобы любое прикосновение к нам было воспринято и вызывало ясный, чистый ответ внутри нас». (Духовная жизнь.//Созерцание и деятельность. М.: Фонд ДНМАС. 2011 — с. 101).

В обычной жизни для этого надо все время себя нудить, собирать внимание. Удастся с трудом. Владыка говорит:

«Мы потому невнимательны и неблагоговейны, что у нас не хватает веры, то есть уверенности в вещах невидимых, уверенности в том, что мы действительно стоим перед лицом Живого Бога». (Молитва-встреча — с.299).

Звучит укором: маловерные! Да, конечно. Но где же и взять веру, как не в этом ежедневном опыте маленьких событий действия Бога в моей жизни. Недавно заболел мой самый близкий человек, заболел тяжело. Действие моей малой веры понятно: я просила всех моих друзей, близких и дальних, молиться за него. Десятки людей воздохнули о нем, и это было так важно, мне же так нужна помощь в моей вере! И вот, у меня есть знакомая доктор, которая в аналогичной ситуации четыре года помогала моей сестре. Я ей звоню: она недоступна. Уехала на дачу до сентября, там нет связи. Я пишу ей сообщение с просьбой срочно позвонить. Она позвонила через два часа. Оказывается, именно в это время ей пришла в голову мысль поехать в ближайший городок оплатить

электричество, она поехала (два часа!), там была связь, и она прочла мое сообщение. Я так понимаю, что она делает это раз в год. Бог внушил ей мысль сделать это сейчас, мы связались, и она помогла нам.

Несомненно, каждый из вас может вспомнить такие истории из своей жизни. В том-то и радость, что они не уникальны. Бог присутствует в том, что в нашей жизни происходит, помогает доброму и останавливает злое.

Но тут важно еще одно, что Владыка показывает: мы стоим перед лицом Живого Бога, а не только наблюдаем Его дела. Иконы показывают нам это, это окна в тот, другой мир. Как мне заметить это Присутствие? Как заметить «тихое дуновение»?

Во-первых, есть прекрасный рассказ о старушке, которая все молилась Иисусовой молитвой, и не получала ответа. Владыка предложил ей перестать говорить и подготовиться, чтобы услышать ответ. Вот как это было:

«Я села, начала молчать, вокруг было тихо, и потом я стала слышать звук спиц. Он еще больше углубил чувство молчания вокруг меня. Чем больше я ощущала это молчание, тем больше я ощущала, что это не просто отсутствие шума, а в нем есть что-то иное, есть чье-то присутствие в сердцевине этого молчания. И вдруг я почувствовала, что в сердцевине молчания Сам Господь. Тогда я почувствовала, молясь словами, равно как не молясь словами, что я с Ним, Он на меня смотрит, и так хорошо нам вместе». (О молитве.//Свет православия. с. Решма Ивановской обл.— вып. 40, 1997 — с.43).

Дело ведь не в том, что я должна продвинуться к этому Присутствию, а в том, что «так хорошо нам вместе». Когда я думаю об этом, мне вспоминается образ Рублевского Спаса в Звенигороде, это образ Присутствия.

Тогда оказывается, что все, что происходит, все, что я делаю и делается вокруг меня — все это делается с Его заботой и добрым участием. При этом Бог не прячется от меня, Он хочет мой любви и внимания к Нему, Он поручает мне делать Его дела — страшно сказать! И помогает при этом. Не просто помогает, а я помогаю Ему, если я действительно с Ним. Смешно, когда я молюсь и вежливо или не очень напоминаю Ему, что Ему нужно сделать, чтобы Он не забыл: «да, и еще вот это». Выход из эгоцентричного мира восстанавливает правильную перспективу. Удивительное дело: Бог проживает со мной Свою вечную жизнь, потому что я согласилась с этим в доверии и любви к Нему.

«Когда ребенка начинают учить писать, мать вкладывает в его руку карандаш, берет его руку в свою и карандашом водит по странице, и ребенок с удивлением видит, как красиво, гармонично ложатся линии. Когда он думает, что понял, он начинит, как ему кажется, помогать, и дергает материнскую руку с карандашом невпопад, не туда, и все делается путаным узором. Пока мы просто отдаемся на волю Божью, пока мы прислушиваемся и не только делаем то, что понимаем, но и даем Богу делать, что Он

захочет, в нас, тогда все хорошо. Это — немощь плодотворная, творческая. В других областях это называется вдохновением; в духовной жизни, во внутреннем возрастании это одухотворенность.... Парус на лодке — самое хрупкое, что в ней есть, но, направленный верно, этот парус может быть охвачен ветром и нести лодку к цели. А цель всегда — Христос Спаситель, Жизнь в избытке, жизнь ликующая, о которой говорит Ин Златоуст в своем пасхальном послании». (Что такое духовная жизнь.//Человек перед Богом. М.: Фонд ДНМАС. 2010 — с. 137).

Работа. Ежедневная суета, притом, что работа очень важная: надо помогать людям, которые приходят ко мне, решать проблемы, и от успеха этого решения зависит не только их земная жизнь, но, страшно сказать: жизнь вечная! Потому что работаю я с наркоманами и алкоголиками, а св. ап. Павел говорит, что «пьяницы Царства не наследуют». Спасает их Христос, а я позвана Им, чтобы участвовать в их спасении: величайшая честь! Но вот что я с ней делаю: я похожа на футбольного вратаря в воротах, против которого играет вся команда противника. Он прыгает из угла в угол, но все равно пропускает голы. Мне некогда думать, мне некогда слушать, все бегом и потому только от себя, когда же мне услышать, как той старушке, Глубину? Я не советский районный доктор с 12-ю минутами на пациента, но я сама себе устраиваю эту гонку, чтобы все успеть... и так проходит моя и их жизнь. Господь все равно их как-то спасает, но у меня нет иллюзий о своем участии в этом процессе. Абсолютно бессильна и беспомощна. Что же мне делать?

«Человек глубок — а так часто он живет поверхностно..., вместо того, чтобы жить из глубины, действовать из сердцевины своего бытия, он живет отраженной жизнью; человек реагирует на жизнь. .. Это первый и основной грех: поверхностность, потеря ... контакта с этой глубиной. В результате человек теряет контакт с содержанием этой глубины, то есть с Богом». (Молитва-встреча. // Школа молитвы. — Клин: Фонд христианская жизнь, 2001 — с. 295).

И тут я с изумлением вижу, как приходят нужные слова и решения. Их не было, я и не думала это сказать, но вот говорю, и это в самую точку! В глазах человека напротив зажигается смысл, на эту минуту пропадает всякая суета, и я вижу эту глубину, и смысл, и радость от этого невероятная. Усталости почти нет, чувство победы и благодарности у нас обоих. Конечно, это делает Господь. Мы оба это понимаем, и радуемся чистым чувством, какое никогда не бывает от себя самого. Конечно, бывают и ошибки, и дурацкие, и страшные иногда, но бывает и эта радость, много людей выздоравливает, и я, наконец, понимаю, что, несмотря на мою несостоятельность, Господь все же сделал великое дело, и получилось, что вместе со мной. Может быть, мне опять помогли мои бессильные попытки, но все же попытки, не отчаяние, а упорство стоять в этих «футбольных воротах» и не унывать.

«Слова, которые я произнес, удачны, дела, которые я совершил, хорошо — и все это от Тебя, Господи!... Мой ум открылся, потому что Евангелие просветило его, сердце мое отозвалось, потому что Ты коснулся его... и оно стало полным сострадания и понимания». (Проповедь о 10 прокаженных / Молитвы МАС. — М.:Никея, 2017 — с. 90).

Осознание этого вызывает покаянное переживание. Эта глубина во мне есть — а я ею не живу; продираюсь через помехи своих грехов. Владыка говорил очевидную вещь, которую мы наблюдаем у наших пациентов — и у нас самих: грех выталкивает человека из храма, как Марию Египетскую, выталкивает из контакта с Богом. Святые любили Бога всем сердцем, скучали по Нему, стремились к Нему. Мне же нужно себя уговаривать молиться, нудить к вниманию в храме, горения к Господу так мало! Это потому что много сорняков, мусора в душе: бесы сеют, а я поливаю. Много греха. Страшна мысль Владыки, что мое понимание Бога, контакт с Ним возможен лишь в той мере, в которой есть общее между нами, узнаваемое, когда мы говорим с Ним на одном языке. Грех чужд Господу, и потому я Его и не чувствую! Вот сколько чепухи в моей душе, и возникает сильное желание освобождения от нее, как препятствия для Встречи с Богом. Здесь тоже есть мое бытийное бессилие, неспособность к чистоте. Исповедь бедна и фрагментарна. Но когда после нее есть приобщение Таинам, может что-то произойти, какая-то не мной произведенная работа в моей душе, и вновь ощущаешь ту глубину, в которой Господь.

«Один только Бог может открыть нам родство с Ним, открыть нам, что мы — Его образ, что мы подобны Ему в том или другом; один только Бог может пролить луч Своего света, в котором мы увидим темноту или зло в сами себе. И когда мы все то обнаружили, мы можем начать думать о том, чтобы овладеть своей душой, бороться властно и побеждать. Конечно, мы не всегда будем победителями, но мы будем на Божьей стороне и вместе с Ним. И тогда, если мы поняли всю красоту, какая в нас есть, и все, что в нас есть уродливого, мы можем взять все это и целиком, охапкой отдать Богу. ...И пусть Он поступит с этим по-Своему...». (Как жить с самим собой. // О встрече. Клин: Христианская жизнь. 1999 — с. 208).

О Христе. Иногда мы не осознаем, что в нашем сознании бывает разрыв между тем, о чем повествует Евангелие, и тем, как мы понимаем Бога. Евангельская история переживается нами как несомненная правда, временами странная, но мы решили, поверили, что то, что там написано, не только действительно было, но сейчас есть. Однако в молитве Богу мы можем сделать некий скачок либо к ветхозаветному пониманию Бога, либо вообще к «неведомому богу» из Деяний. Осознаем ли мы, что мы просим именно Христа подать нам необходимое? Именно Христа распятого простить нас за наши мелкие злодеяния? Мы христиане, и это приходится себе напоминать. Об этот факт разбивается много предубеждений, стоящих преградой на пути к Богу: что Он отвергает грешников, что Он не может помочь в болезни, раз уж она есть; что Он мстит за ошибки... Это полностью противоречит Евангелию, и Бог — это именно Христос, явленный нам как человек и Бог.

Он знает боль, предательство и одиночество. Он в полноте человек, и сегодня это так. И Он — Бог. Невозможно это соединить в сознании полностью, но можно в это верить. В общем, я верую в Бога-Отца, установившего этот мир и законы в нем, и нарушать их так же глупо, как закон всемирного тяготения. В мире все закономерно и прекрасно, но мы живем не в том мире, который создал Бог. Нам приходится жить в болящем и постепенно умирающем мире, и это все из-за нас, а не от Бога. Он такого мира не создавал, и за это не отвечает. Это не Он послал болезнь моему близкому, не Он заставляет его страдать. Но Он может превозмогать это уродство мира, и хочет этого. И для этого умер до конца, а потом все же воскрес.

Еще я верую в Христа, и он мне не отец, а брат. Старший, но брат, это по «Отче наш», и по нашему усыновлению Его Отцу. И с Братом, Другом я говорю иначе, очень откровенно и близко, потому что Он близко ко мне, и мы с Ним похожи! Поэтому слово «Господи» звучит во мне не отстраненно, а теплом и заботой.

Еще я верую в Духа Святого, именно им я и получаю удивительное вдохновение понимать другого человека, выходить из самой себя, из эгоцентричного мира, находить решения, которые дают жизнь — от Него, Духа. Он царствует в этом мире и в его заботе обо мне и моих близких есть нечто материнское, дающее жизнь, чем нельзя пренебрегать — не простится никогда.

Понимаете, это не часть Символа веры, относящаяся к Богу-Троице, это моя практическая вера, проникающая, наполняющая мою жизнь. Если я это осознаю. Но когда я сваливаюсь снова в детские и суеверные напоминания Богу обо всем, требования Его соответствия моим нуждам и вполне детскую неблагодарность — Бог-Троица все равно со мной и проявляет Свою любовь ко мне заботой, ежечасной заботой, которую можно увидеть и удивиться.

«Все, что у нас есть, это знак Божественной любви в каждое мгновение, в каждый час и день нашей жизни. Если бы мы могли присвоить себе что-либо, оно было бы наше, но перестало бы быть связью с Богом, чем оно является потому именно, что это все не наше, а Божие. Все, что у нас есть, это Божия любовь, ставшая конкретной, живой заботой о нас. И вот, если понять это, тогда действительно перед нами раскрывается Божие Царство, потому что мы находимся в таком Царстве, где над всеми и над всем Сам Господь, Который царствует без конца. (О некоторых категориях тварного бытия. // О встрече. Клин: Христианская жизнь. 1999 — с. 137).

Закончим это высказывание молитвой Владыки:

«Господи, я знаю, что Ты тут — и я тут, по Твоей милости Ты мне даешь стоять перед Собой, даже если я не ощущаю Твоего присутствия, но я знаю, что Ты тут, и это для меня предельное счастье, и благословение, и радость. И я с Тобой буду говорить, буду все тебе говорить, всю душу изливать, все мысли, все чувства,

буду искать твоей воли во всем, и не уйду, не уйду, Господи, даже если Ты годами не дашь о Себе знать». («Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...»//Молитвы МАС. — М.:Никея, 2017 — с. 17).